

К.Д. УШИНСКИЙ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАГЛЯДНОГО ОБУЧЕНИЯ И МЕСТНОГО ЭЛЕМЕНТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Н.Н. Зубарева

ГБОУ ДПО «Тверской областной институт усовершенствования учителей»

Показан потенциал наглядного обучения и местного элемента при изучении русского языка в отечественных школах второй половины XIX в. Значимой стороной публикации является обращение к трудам классика отечественной педагогики второй половины XIX в К.Д. Ушинского.

Ключевые слова: преподавание русского языка, местный элемент, наглядное обучение

Во второй половине XIX в. в Германии и Швейцарии всеми специалистами была признана необходимость наглядного обучения, эта проблема не дебатировалась, а теоретико-педагогические и методические дискуссии касались только вопроса о том, «должно ли наглядное обучение быть предметом отдельного преподавания или делать преподавание всех предметов наглядным» [6, с. 268]. В России вопрос об использовании наглядного обучения был поднят несколько позже, в 60–70-е гг. XIX в. Сущность наглядного обучения была рассмотрена в работах К.Д. Ушинского, который понимал его как «ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком». Он трактовал наглядное обучение как способ преподавания, облакавший «первоначальное ученье в формы, краски, звуки...», что делало процесс обучения доступным ученику [7, с. 266]. По его мнению, «ход ученья, от конкретного к отвлеченному, от представления к мысли естествен и основывается на ясных психических законах» [6, с. 265–266]. Эти образы воспринимаются учеником в процессе обучения, как под руководством учителя, так и через самостоятельные его наблюдения. В качестве преимуществ наглядного обучения как способа преподавания выделяются его универсальность и естественность. Его могли использовать в работе все педагоги начальной школы, создавая условия для постепенного приобщения ученика к серьезному знанию. Использование предметов, окружающих ученика, при организации наблюдений и проведении бесед было естественным и понятным для детей.

Опираясь на представления Ушинского, можно выделить следующие цели наглядного обучения:

– развитие наблюдательности: «...учить ребенка наблюдать верно, и обогащать его душу ... полными, верными, яркими образами, которые потом становятся элементами его мыслительного процесса» [7, с. 267];

– «приучение к мышлению». К.Д. Ушинский отмечал, что на основе материала, предоставляемого «ближайшими, окружающими учащимся предметами», формируются логические умения и навыки. Педагог подчеркивал постепенность и поэтапность этого процесса: «...следует приучить детей отыскивать, перечислять и излагать в порядке признаки предметов,

находящихся у них перед глазами, потом сравнивать между собой несколько знакомых уже ... находя между ними сходство и различие» [10, с. 29];

– «развитие изустной и письменной речи» [8, с. 245];

– «нравственное развитие детей на доступном и понятном им материале реальной жизни, жизни природы и общества» [6, с. 7].

Как уже отмечалось, вслед за упомянутой выше дискуссией, развернувшейся в педагогических кругах Германии и Швейцарии, о целесообразности введения специального предмета «наглядные уроки», или использования наглядности как метода обучения, подобная дискуссия развернулась и в России. Пик ее приходится на период после смерти Константина Дмитриевича, вместе с тем по его работам видно, что он наглядность обучения воспринимал вполне определенно, видя ее потенциал в преподавании многих предметов, и прежде всего отечественного языка и чтения. Возможности наглядности обучения на уроках по этим дисциплинам обусловлено тем, что, как полагал Ушинский, содержание любого предмета учениками наглядно «усваивается ... и выражается всегда в форме слова». Дети изучают окружающий их мир «посредством отечественного языка, и наоборот, мир окружающий ... отражается в нем своей духовной стороной только посредством среды – отечественного языка» [7, с. 262]. Он писал: «В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь» [5, с. 557].

Родной язык для ребенка является лучшим «истолкователем окружающей его природы и жизни». Именно он является важнейшим средством реализации принципа народности в обучении, которому педагог придавал очень большое значение, мастерски подмечая специфику европейских языков, неразрывно связанную с особенностями национальных характеров их носителей: «...принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, ... пойдем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа. Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая, как мотылек, речь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама в себя, рассчитанная речь немца; ясная, сжатая, избегающая всякой неопределенности, прямо идущая к делу, практическая речь британца ... бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним вздымающим ее чувством и изредка разрываемая громкими всплесками речь славянина – лучше всех возможных характеристик ... знакомят нас с характерами народов... Вот почему лучшее и ... верное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер» [5, с. 561].

Ушинский в своих работах также уделил внимание организационной стороне применения наглядного обучения. Он считал, что наглядное обучение должно «предшествовать умственным упражнениям и начинаться в самом раннем возрасте, прежде еще, чем ребенок выучится читать» и основу его деятельности должны составлять не столько чтение, сколько вопросы и рассказы со стороны педагога. Само же чтение могло чередоваться с «рассмотрением предмета, толкованиями о самом предмете и маленькими опытами, производимыми тут же в классе», выраженными «в живости и занимательности» [10, с. 25–26]. В процессе обучения наглядность призвана изучаемый материал «дополнять... из непосредственного созерцания», с помощью разнообразных вопросов, обращенных как ко всему классу, так и к отдельным ученикам [там же, с. 27]. Именно в процессе ознакомления и наблюдения за окружающим миром, «природы и человеческой жизни», осуществляется саморазвитие учащихся. Ушинский поднимал вопрос о необходимости преподавания предметов в элементарной школе одним педагогом. Так, он пишет: «...отдайте преподавание отечественного языка одному преподавателю, а преподавание отечествоведения другому, и выходит уже совершенно не то: слово будет без содержания, а богатый материал не оживится словом, и не будет того результата ... не будет богатства мыслей, точности и определенности языка, легкости выражений, ярких конкретных образов, верности действительности» [9, с. 172].

Ушинский видел большой потенциал наглядного обучения в освоении местного элемента. Он подчеркивал необходимость приучения ребенка находить интересное и занимательное в том, что его окружает, и демонстрации на практике связи науки и жизни. По мысли Ушинского, ученика нужно знакомить прежде всего «с хвойным лесом, с домашними животными», а не с электрическим угрем, тропической колибри, с мухоловкой и другими диковинками природы» [1, с. 28].

«Изображения животных и растений, сцен из народной жизни, местного материала» на уроках русского языка сделают доступным рассказ учителя «разнообразием и живостью вопросов», формируя устную речь воспитанников [7, с. 269; 10, с. 27].

Как считал выдающийся педагог, использование в обучении отечественному языку устного народного творчества (русские пословицы, поговорки, прибаутки, скороговорки и загадки) позволяет в доступной форме представлять изучаемый материал и приобщать учащихся к окружающей народной жизни. По словам Ушинского, в них отразились все ее стороны: «домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная», народные «потребности, привычки, его взгляд на природу, на людей, на значение всех явлений жизни» [7, с. 298]. Пословицы и поговорки тем и хороши, что, несмотря на свою «краткость, представляют определенную умственную задачу, которую решает ученик». Загадки требуют не только нахождения отгадки, но могут быть основой для бесед о предметах или явлениях. Созерцание окружающего мира подводит детей к сравнению бытового и литературного языка, к выделению говора местности, в которой они проживают, что ведет к

развитию правильной речи. Ушинский писал: «...послушайте, как русский крестьянин говорит с женой, сестрой, братом, в домашней жизни и как он обращается к тем же самым лицам в песне или даже в простом письме, – два языка совершенно различные», вот почему наглядное обучение и использование элементов окружающей ученика жизни должны использоваться в обучении «без всяких кривляний на мужицкий или детский лад ...» [4, с. 243].

Местный элемент, по мнению Ушинского, должен использоваться при знакомстве учащихся «со всеми предметами, расположенными по месту их нахождения, все более и более расширяющимися кругами, центром которых является ученик и его класс, а последним кругом – черта города или села, где живет ученик» [9, с. 310]. Так, при изучении географии целью изучения родной местности является уяснение основных географических понятий и «подведение учащихся к пониманию карты». Местный материал необходимо использовать постоянно в наблюдениях за ближним окружающим миром, что может быть представлено в планах класса, дома, двора с садом и огородом. Этот процесс Ушинский называл «окрестнографией» [там же, с. 318]. Им указывалось на необходимость развивать у детей «инстинкт местности», т. е. знание своего окружения и умение сопоставлять изучаемый материал с том местностью, в которой ученик живет и считал это «способностью, чрезвычайно полезной и в учении, и в практической жизни» [там же].

Учебные книги рассматриваемого периода не устраивали Ушинского по своему содержанию, языку изложения, он считал их сложными для восприятия учениками [11, с. 381–382]. Именно поэтому он взялся за создание учебных книг. Подготовленные им книги для чтения в начальной школе «Детский мир» (1861) и «Родное слово» (1864) содержат в себе материал, который способствует развитию наблюдательности учащихся, сочетает «наглядное обучение, приготовительные упражнения в письме и звуковые упражнения, приготовляющие к чтению», элементы народной жизни и местного материала. Так, «Родное слово», популярная учебная книга для начальной школы, кроме стихотворений, сказок, пословиц, загадок и песен включало также и «деловые статьи», содержащие материал по природоведению, истории, географии. Они, по мнению К.Д. Ушинского, «приучают детей к простому и ясному выражению тех впечатлений, которые даются им правильным наблюдением окружающей их действительности», и с помощью них достигается наглядность обучения [7, с. 311]. В этих статьях говорилось о тех предметах, которые учащиеся могли видеть или наблюдать, впоследствии их вспомнить при чтении и провести сравнение. Размещенные иллюстрации в книге могли быть основой для бесед и рассуждений, т. к. «для беседы с детьми должно выбирать предметы, которые легко и удобно могут быть ими наблюдаемы, следовательно, предметы наглядные, и притом из мира, детям доступного» [8, с. 246]. Они должны быть связаны между собой. Эти книги Ушинского получили положительные отзывы коллег в 60-70-е гг. XIX в. Выделяя достоинства «Родного слова», педагог-практик Л.Н. Модзалевский писал: «...за большой выбор загадок, пословиц, песен и сказок нельзя не поблагодарить автора, и мы из опыта знаем, как приятно и полезно для русских детей знакомство с произведениями народного

творчества» [3, с. 364]; литератор О.Ф. Миллер отмечал, что «посредством раннего знакомства с народным словом, ребенок, усвоив и слюбившись с ним, вступает в нравственное отношение с народом... С детства введенный в нравственный мир народа, он не может смотреть на народ как на мягкий воск, ему будет дорога народная личность, его идеалом будет развитие в смысле самобытного роста» [там же, с. 363]; книга для чтения «Детский мир» была «единственной по полноте и разнообразию книгой, приспособленной к наглядному знакомству детей с окружающим миром» [2, с. 523].

В разные периоды XIX – начала XX в. к этим творениям Ушинского было разное отношение: «В характере рецензий и отзывов о книге Ушинского можно отметить ряд периодов или этапов, означавших более или менее резкое изменение отношения к «Родному слову»: в первый период (1864–1885 гг.) преобладали положительные отзывы о книге, исподволь чередующиеся с отрицательными... во второй период (1885–1900 гг.) оформившееся в реакционных кругах отрицательное отношение к книге Ушинского выразилось в запрещении употребления первой части этой книги в начальных школах, причем внутри Министерства просвещения шла негласная борьба между противниками и защитниками книг Ушинского, закончившаяся отменой первоначального запрещения; третий период (1900–1917 гг.), когда книга вновь допущена официально к употреблению в школах, но количество рецензий и отзывов о ней резко сокращается, так как книга является общепризнанной и в новых рекомендациях не нуждающейся» [3, с. 362].

Таким образом, К.Д. Ушинским были осмыслены следующие проблемы взаимосвязи наглядного обучения и местного элемента и их потенциала в преподавании словесности как сущность наглядного обучения; педагогические цели наглядного обучения; место наглядного обучения в школе; важность его организации при изучении отечественного языка; связь наглядного обучения и освоение местного элемента в школе; об учебных книгах, соответствующих принципу наглядности обучения. Все эти вопросы остаются актуальными и, следует отметить, не только для преподавания русского языка в современной школе, но и других предметов, содержащих «местный элемент».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Предисловие к первому издания «Детского мира» // Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 5. С. 17–38.
2. Перечень рецензий и заметок на книгу «Детский мир» // Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 5. С. 515–569.
3. Рецензии и другие отзывы на «Родное слово» // Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 6. С. 362–385.
4. Ушинский К.Д. О средствах распространения образования посредством грамотности // Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1948. Т. 2. С. 235–249.
5. Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии // Собр. соч.: в 11 т. М. Л. 1948. Т. 3. С. 87–254.
6. Ушинский К.Д. Предисловие к 1-му изданию «Детского мира» // Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 5. С. 17–38.
7. Ушинский К.Д. Родное слово // Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1948. Т. 2. С. 544–574.
8. Ушинский К.Д. Родное слово: книга для детей. Год первый. Год второй // Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 6. С. 9–236.

9. Ушинский К.Д. Родное слово. книга для учащихся // Собр. соч.: в 11 т. М.;Л. 1949. Т. 6. С. 237–336.
10. Ушинский К.Д. Руководство к преподаванию по «Родному слову». Приложение к практической грамматике // Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 7. С. 225–340.
11. Ушинский К.Д. Цветы московской педагогики на петербургской почве // Собр. соч.: в 11 т. М.; Л. 1949. Т. 5. С. 377–411.

Об авторе:

ЗУБАРЕВА Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой общего, среднего и профессионального образования ГБОУ ДПО «Тверской областной институт усовершенствования учителей», e-mail: Zunn2010@mail.ru

НОВЫЕ ИДЕИ О ВОСПИТАНИИ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ В КОНЦЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ

М.И. Хорькова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рассматриваются новые концепции в образовательной сфере на рубеже XIX и XX столетий. Анализируются педагогические идеи немецкого учёного В.А. Лая о воспитании и обучении, охарактеризованы основные понятия, представленные в трудах «Экспериментальная дидактика» и «Экспериментальная педагогика».

Ключевые слова: *воспитание, обучение, индивидуальные особенности, развитие, способности, индивидуальная педагогика, естественная педагогика, социальная педагогика, воспитательный процесс.*

Период конца XIX и начала XX столетия характеризуется значительными изменениями в педагогической теории и образовательной практике, пересмотром педагогических установок и перестройкой образования. Причиной данных преобразований была основанная на принципах традиционализма школа, которая не соответствовала требованиям воспитания и образования того периода. Традиционная школа не могла удовлетворить потребности нового общества, так как процесс обучения и воспитания основывался на авторитарном управлении педагогическим процессом. Кроме того, в концепциях традиционализма учитель играл все ещё первостепенную роль, а вопрос об индивидуальных особенностях учащихся так и оставался не значимым и не актуальным, что являлось причиной проявления интеллектуализации в образовании, которая снижала познавательную активность учащихся, подавляла их инициативу и самостоятельность в учебном процессе.

Таким образом, главной целью воспитания должно стать создание людей самостоятельных и уверенных в себе, а учитель должен учитывать индивидуальные особенности и способности учащихся. В книге «Мысли о воспитании» Джон Локк пишет, что преподавание должно быть построено «на важнейшем материале и идти по кратчайшему пути», а так же «преподавание и воспитание должны быть приспособлены к индивидуальности воспитанника» [3, с. 36].

Наряду с сохранением принципов традиционализма в общественно-педагогической мысли западноевропейских странах и США в этот период появляются многочисленные философско-педагогические концепции и течения,